

ПРО ХВОСТА

Сборник
Про Хвоста

«Пробел-2000»

2013

УДК 821.161.1.0-929 Хвостенко
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 Хвостенко А.

Сборник

Про Хвоста / Сборник — «Пробел-2000», 2013

ISBN 978-5-98604-327-2

Книга воспоминаний об Алексее Хвостенко (1940–2004).

УДК 821.161.1.0-929 Хвостенко
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 Хвостенко А.

ISBN 978-5-98604-327-2

© Сборник, 2013
© Пробел-2000, 2013

Содержание

От издателя	8
Ефим Славинский	10
Михаил Деза	12
Лариса Волохонская-Певеар	15
Анри Волохонский	23
Леонид Ентин	30
Леонид Чачко	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Про Хвоста

*Сердечная благодарность
Ларисе Волохонской-Певеар
и Алисе Тилле
за неоценимую помощь
и участие*

ПРО ХВОСТА

2-е издание, исправленное и дополненное

ЕФИМ СЛАВИНСКИЙ
МИХАИЛ ДЕЗА
ЛАРИСА ВОЛОХОНСКАЯ-ПЕВЕАР
АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ
ЛЕОНИД ЕНТИН
ЛЕОНИД ЧАЧКО
ТАТЬЯНА КОВАЛЕНКО
ВЕРА ЕСАЯН
ИРИНА НАГИШКИНА
КСЕНИЯ МУРАТОВА
ЮЛИЙ ЗЛАТКИС

ОЛЬГА АБРЕГО
МИХАИЛ ГРОБМАН
ВАДИМ КОСМАЧЁВ
АЛЕКСАНДР ПУТОВ
ВАЛЕРИЙ КЛЕВЕР
КАМИЛЬ ЧАЛАЕВ
ЛАРИСА ФУРТВЕНГЛЕР
МИХАИЛ АКСЕНОВ-МЕЕРСОН
ОЛЬГА МЕЕРСОН
ЮРИЙ ЯРМОЛИНСКИЙ
АЛЕКСАНДР ДРЮЧИН
ЮЛИЯ КАГАН
ЕКАТЕРИНА БОГОПОЛЬСКАЯ
ЮРИЙ ЮРЧЕНКО
ПАВЕЛ РЫЖАКОВ
ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВ
ЯКОВ ЯКУЛОВ
ОЛЕГ КОВРИГА
ТАМАРА ХОЛБОЛЛ
ЮЛИЯ БЕЛОМЛИНСКАЯ
ЕЛЕНА ЗАРЕЦКАЯ
ВАЛЕНТИН МАРИЯ ТИЛЬ САМАРИН
СЕРГЕЙ КОВАЛЬСКИЙ
АЛЕКСЕЙ СОСНА
ЕЛЕНА РОМАНОВА
АНДРЕЙ ГРИЦМАН
ЛЕОНИД ФЕДОРОВ
ДМИТРИЙ МАТКОВСКИЙ
ТАТЬЯНА НИКОЛЬСКАЯ
КИРА САПГИР
ЛЕВ БРУНИ
ВАСИЛИЙ АЗЕМША
АНЯ ХВОСТЕНКО
ВЕРА ХВОСТЕНКО
СИЛЬВИ РОБОЛИ
МИХАИЛ ГЕНДЕЛЕВ

Кем это сказано? Может быть, мной?
„Всё, изменяясь, изменило,
Везде могильные кресты,
Но будят душу с прежней силой
Заветы творческой мечты.

Безумье вечное поэта
Как свежий ключ среди руин...
Времен не слушаясь запрета,
Он в смерти жизнь хранит один.

Пускай Пергам давно во прахе,

Пусть мирно дремлет тихий Дон:
Всё тот же ропот Андромахи,
И над Путивлем тот же стон.

Свое уж не вернется снова,
Немеют близкие слова, —
Но память дальнего бывшего
Слезой прозрачною жива.“

От издателя

В сущности, вся моя сознательная жизнь проходит под знаком Хвоста...

В 1971 году, 15-летним юнгой, я оказался в ВВМУ им. Френсиса Дрейка, в штурманском классе Дмитрия Столповского (Амбала) – друга и собутыльника Хвоста в 60-70-е годы прошлого века. Как сейчас помню, Енот – Амбалу: «Мы же с тобой – бегемоты, премся по жизни, как по болоту, по уши в грязи, а Хвост – это райская птица, порхающая на невидимой глазу высоте...»

Среди тех «жильцов вершин», детей Космоса и людей Земли из круга Хвоста, которых мне довелось увидеть и/или о которых постоянно приходилось слышать на уроках ортодромии и локсодромии: Анри Волохонский, Владимир Пятницкий (Пятница), Леонид Ентин (Енот), Иван Тимашев, Валерий Шедов (Понтила), Леонид Губанов, Юрий Ярмолинский (Ермола), Юрий Сорокин (Сорока), Александр Васильев (Сашка-Васька), близко я знал двоих «чудаков на всю голову» – Сороку (см. в настоящем издании: Татьяна Коваленко «Сорока и Хвост») и, конечно, Амбала. Хвост познакомил мою старшую сестру Татьяну с будущим мужем – Димой Столповским. «Щедро одаренный природой» брутальной красотой, недюжинной физической силой, интеллектом, в юности он учился в мурманской мореходке и был в ту пору чемпионом г. Мурманска по греко-римской борьбе. Потом окончил отделение истории искусств истфака МГУ. Замечательный знаток античной и скандинавской мифологии, средневековой алхимии сидел себе художником-оформителем в какой-то конторе (которую называл «УМЫТАТ») и почитывал Аристотеля да Канта.

Дмитрий Столповский 1940 – 1998

А на самом деле, свидетельствую, жил с чудовищным напряжением всех физических, умственных и душевных сил – как титан, громоздящий Пелион на Оссу.

Создав живописный триптих «Утро. День. Вечер» и считая, что тем обеспечил будущее детей (завещал не продавать картин музею Гуггенхайма меньше, чем за 1 000 000 \$), перестал быть художником. «Основал» собственное аэрокосмическое агентство «NASKA» и жил, созерцая звездное небо, подрабатывая в железнодорожном депо и рабочим на лесопилке...

Он был страшный мизантроп и нелюдим, чем резко оттенял моцартианство Хвоста. Тогда, в начале 70-х, они «дружили семьями», и до последних дней своих Амбал говорил про жену Хвоста: «Алиса – это часть моей души».

Перед Отъездом Хвост забыл в Танином-Димином доме очень красивый шарф. Я долго носил его...

А году в 84-ом Амбал передарил мне зажигалку присланную ему Хвостом с оказией из Парижа.

Они успели повидаться в 95-ом.

Был Хвост и на могиле «Димочки» осенью 2004 года...

Спасибо старшим товарищам, некогда сориентировавшим нас во времени и пространстве. Продолжим прокладывать собственный курс в океане житейском в поисках полноты бытия.

Незадолго до смерти Дмитрий Борисович учредил орден «ЗА ВЗЯТИЕ ТРОИ». Не успев досконально разработать его статут, первым пунктом означил «Награждается посмертно». На сегодняшний день я точно знаю одного кавалера высокой награды – это Хвост.

Алексей ПЛИГИН

Ефим Славинский

Родился в 1936 г. в Ленинграде. Эмигрировал в 1974 г. Переводчик, ветеран «русской службы БиБиСи». Живет в Лондоне.

Он научил меня летать. Кроме шуток. Это было весной 62-го года – «черная весна», как я ее назвал про себя.

Настал момент, когда я понял, что жизнь не удалась. Даже собственного угла не было, ночевал по знакомым. Однажды пришел ночевать к Хвосту. Там допивали водку под авангардный джаз по «Голосу Америки». Кто еще остался на ночь – не помню. Я устроился на полу, на диванных подушках. В этой его комнате, длинной и узкой, как вагон. Утром мы с ним вышли сдать бутылки и купить пожрать. Утро было дивное, небо пронзительно-синее, звонкая капель, ветер – все дела. И тут Хвост засвистал на ходу тему «Джанго» в аранжировке Эм-Джей-Кью. Сложная пьеса, он ее просвистел мастерски. И у меня в груди начало оттаивать. «Славка, все это фигня, – сказал он по поводу моих ночных жалоб и страхов, – смотри вокруг, какой кайф». И вот, поверите ли, я в ту же секунду почувствовал, что мои подошвы оторвались от тротуара. И я уже иду буквально по воздуху, в нескольких сантиметрах над землей. И мир сияет и обещает. Жизнь только начинается (так оно и оказалось, кстати). Вот такой волшебный миг. Я это не придумал, это эмпирический факт. Назовите это как угодно: чудотворство, колдовство, харизма... Хвост обладал этим в полной мере. Я не единственный, кто пережил такое в его присутствии. Причем ни под какую банальную категорию это не подпадает. Никак не скажешь, что Хвост – душа общества. И никакой он не тамада-затейник. Не гуру, не наставник и не помощник. Секрет его обаяния – неземной. И Хвоста невозможно оценить по земным критериям.

Сейчас я бы рационализировал явление (теофанию) Хвоста, назвав его экстрасенсом или инопланетянином. Но в ту пору я увлекался философией экзистенциализма. Ну, в том отрывочном виде, в котором она до нас доходила через глушилку советского образования. И он был единственным в моем окружении наглядным примером человека, живущего «вином абсурда и хлебом безразличия». Аутентичный хипстер, но с крыльями за спиной. Я не помню случая,

чтобы он кого-нибудь оскорбил, или задел чье-то самолюбие, или грубо подшутил над кем-либо, – но мораль тут не при чем, ее просто не существует в той неземной области, откуда он родом.

...И откуда же, вероятно, родом его безупречный вкус, выразившийся во всем, что он делал. Ни грана пошлости. Есть, чему позавидовать. Этого как-то никто до сих пор не отметил, хотя о его художественной деятельности есть много материалов в Сети, например, только что я набрел на очень толковый анализ его поэзии в журнале «Литучеба» № 6, 2009, статья Н.Вишняковой. (Толковым он мне показался потому, что написан языком, очень понятным для такого консервативного читателя, как я.) О песнях, сочиненных им как соло, так и с Анри Волохонским, – давно и лучше всех написал другой участник наших тогдашних застолий, Леонид Ентин, он же Енот, см. соответствующий номер журнала «Эхо» или предисловие к сборнику «Чайник вина». О спектаклях судить не могу, не видел ни одного, но его работы в области visual arts, хоть и разнокачественные, отличает глазомер, изящество и цветовая гармония. Четырнадцать номеров «Эха», изданные Марамзиным и Хвостом, – образец умной редакции, точного отбора и правильной композиции.

Ну что ж! Знай наших. Битники тоже кое-что умеют. Кстати, о битниках – заслуживает отдельного исследования тема «Хвост и джаз».

В Сети масса фотоматериалов с нашим героем, и, если повезет, там можно отыскать один замечательный снимок Хвоста на каком-то великосветском приеме в Москве в середине 90-х. Он там в смокинге! При бабочке! Небритый, уже изрядно потрепанный московскими пьянками, но оживленный и учтивый. Во взгляде любопытство. Видно, крутая тусовка. Мир опять сияет и обещает.

Михаил Деза

Родился в 1939 г. в Москве. Профессор математики. С 1972 г. живет во Франции.

Я знаю Хвоста более сорока лет. Из всех светлых людей моей далекой московской юности только он и Алик Гинзбург оказались, с восьмидесятых, в Paris (то есть Париж, Нью-Йорк, и все это Там) во второй и последней жизни.

Виделись мы, конечно, нечасто, но был я свидетелем его пути.

Сейчас, в мои 67 лет, пора привыкать к значимым смертям, то есть к тем, когда невозвратимой частью умираешь сам. Но Смерть Алеши Хвостенко оказалась такой вырвавшейся болью, такой немыслимой, как смерть детей...

1959. Мы с Аликом Гинзбургом приехали в Питер, с вечернего Московского вокзала прямо в зоопарк, где Алеша служит сторожем-кормильцем при тиграх. Хвост жарит тигриное (в смысле, их корм) мясо, и мы вместе с его Дуськой-манекенщицей едим это и пьем водку, русское счастье. Все невероятно вкусно, все, особенно сам Хвост, абсолютно красиво. Ревут огорченные близкие тигры. А было нам 19 лет...

После были стихи и черная ленинградская богема, и Хвост был уже художник-скульптор: тогда он лепил краской прямо из тюбиков на небольших холстах. Кстати, о нравах той богемы: позже, на литературной вечеринке, та же красавица-Дуська, от ревности, ударила Хвоста “пером”, и Хвост, обливаясь кровью, велел присутствующим, ну ни в коем случае, не говорить ментам.

Конечно, люди не меняются. Но поставить так высоко сначала – божьей милостью универсальный артист Возрождения, в вечном празднике – и удержать до конца эту вечную юность: Хвост был таким единственным среди виденных мною людей.

Второй flash-back, 1960(?). Я обещал Алиске Тилле, верной сестричке, показать самых красивых людей: Алешу Хвостенко в Питере, Томаса Венцлова в Вильнюсе и Юлика Златкиса в Одессе. Но Хвост приехал в Москву сам, и вскоре они увиделись... Хвост переехал к ней в Москву. С их любви, красоты, юности рождается Анюта, сейчас прекрасный музыкант и мать двух детей. Пусть побегут ниточки его потомства в эту чудную бесконечность будущего, без нас.

В семидесятых мы часто играли в шахматы в их квартире, где Хвост, артист-артист, но порой бивал меня, математика, одной волей.

Помню на одном «балу» у него в струящемся празднике (стихи, дружба, любовь и много наркоты) покойный Ваня Тимашев давит на меня, чтобы я взял траву. Я отбиваюсь: «Не хочу

вводить в себя химию», а Ваня нависает: «А что, картошка не химия?» Появляется Хвост и высокой своей властью освобождает меня: «Оставь его, он (с нами) по мнению».

А также я всегда завидовал, как любили Хвоста женщины и, главное, что потом говорили о нем только с улыбкой и сладкой памятью. Любили его без памяти и друзья: соратники по творчеству, как его главный соавтор Анри Волохонский, и защитники по жизни, как Афоня, русская муза Парижа.

Сумел Хвост не измениться под кислотами Запада: безденежье, бездружье. Не описывая всех скитаний его души, свидетельствую: бил из него, всегда, источник вечной юности в той алхимии, где не отличишь искусство от любви и, вообще, искусство от жизни.

Париж, 2005

Лариса Волохонская-Певеар

Родилась в Ленинграде. В 1973 г. эмигрировала в Израиль. С 1988 – во Франции. Переводчик. Живет в Париже.

Вначале были песни. А также стихи, пьесы, живопись... Но я напишу о песнях.

Мы познакомились в 1961 году.

Анри – мой старший брат Анри Волохонский, – наверное, на год раньше. Я все слышала от него: Алеша Хвостенко, Алеша Хвостенко... Он жил тогда в Ленинграде, на Греческом проспекте, в коммунальной квартире.

На фоне мнимой серой свободы хрущевской оттепели, среди тупого занудства брежневского застоя он ходил свободно, беззаботно, красиво и легко, окруженный аурой неподражаемого шарма. Невозможно было представить его ходящим в университет или, того подавней, на работу. Цитирую его любимую максиму, услышанную уже во Франции, где бюрократия неоднократно отравляла ему жизнь: «Жизнь была бы раем, если бы не нужно было иметь дело с административными структурами». Однажды, давным-давно, я пожаловалась ему, что в университете перенесли какой-то экзамен, к которому я долго готовилась. «Никогда не поздно, – сказал он, – сделать то, чего можно вообще не делать». Эту мудрость я навсегда запомнила. Как и другую его поговорку: «Никогда не торопись – ты уже здесь».

Он писал стихи, рисовал, мастерил, пел. У него был несравненный дар вкуса и чувства меры во всем. Он никогда не корчил из себя такого «поэта», «художника» или «барда» – он просто был всем этим непринужденно, неподдельно, ненавязчиво. И творил он, как жил, как дышал, как пел, – легко. Это было особенное трудноописуемое качество: аристократическая беспечность, бесстрашие, доброжелательность ко всем и полное равенство самому себе, то, что называют «отсутствием комплексов». Была эта доброжелательность равнодушием, как склонны считать некоторые, или нет, не имеет значения – важно, что он никогда не опускался до сплетен или злословия, ни до каких бы то ни было расчетов или же выяснений отношений. И

никогда не выставлял напоказ свои знания, только иногда, вдруг, какая-то случайная реплика выдавала его огромную эрудицию. А был он автодидактом.

Он был всегда при гитаре. Его не нужно было просить. Он брал гитару и пел. В начале 60-х годов он пел песни, возникшие в кругу его отца Льва Васильевича Хвостенко, преподавателя английского языка и переводчика, дружившего с литераторами и переводчиками, среди которых были М. Цыферов, В. Адмони и другие. Часть песен были переводы или переложения с английского: «Фрэнки и Джонни», ковбойская песня «Я тронулся в путь, // Как зардел небосклон», еще была песня со словами «Снова трубят в свой рог война, // Снова вокруг она одна...», сочиненная на музыку военного марша из кинофильма «Мост через реку Квай» кем-то из отцовских друзей. Была военная песня, не помню, какого происхождения: «Все мы наголо обриты // Защищать страну идем...». Я очень любила и до сих пор люблю переведенную отцом Алеши шотландскую балладу «Поют цыгане у ворот, // У леди все в слезах лицо...». На эту же музыку в другой аранжировке была положена песня «Льет дождем июнь» (1959 год) – возможно, первая Алешина песня, написанная в соавторстве с Борисом Дышленко.

Что еще? Пел забытую песню Окуджавы «Однажды Тирли-Тирли, Тирли-Тирли // Подрался с Дугу-Дугу, Дугу-Дугу...». Пел сочиненную им самим песню «Не трогайте Алешеньку // Ведь он не виноват // Он весь такой хорошенький // От головы до пят...». Первые песни были написаны совместно: «Льет дождем июнь» и «Все люди как люди, а мы как черт-те что» – с Дышленко, «Городская» (Ах, целый день мы гуляли...) и «Блюз» (Что нам день, что нам ночь...) – с Лёней Ентиным в 1961 году. Вместе с Лёней они распевали романсы, блатные песни и шлягер курильщиков «Анашу», к которой они с Анри присочинили несколько куплетов.

Соавторство с Анри началось в 1963 году. Музыка чаще всего бралась уже существующая, и Алеша ее перерабатывал, компилировал, приспособливал, изменяя иногда до неузнаваемости. В ход шло все: американские песни, еврейские (и древнееврейские!), французские, ирландские, русские песни, не только русские, но и советские, любые жанры: джаз, романсы, народные песни, даже наша «Березонька», даже индонезийская народная песня «Бурункака». И даже Иоганн-Себастьян Бах не миновал общей участи. Ни Жорж Брассанс, ни Гарри Беллафонте...

«Нужно обратить внимание, что песни первых стилистично сочинялись на знакомую <...> мелодию. В скором времени этим приемом стал широко пользоваться Алексей Хвостенко, а следом и автор этих строк».

Так пишет Анри в «Воспоминаниях о давно позабытом». К некоторым песням Алеша писал свою собственную музыку. Большого значения то или иное авторство не имело: в его исполнении все полностью усваивалось как принадлежащее ему как будто он на свет явился с этой гитарой и этими песнями.

Если посмотреть на даты написания, то увидим, что у них с Анри бывали своего рода «взрывы» совместного творчества, происхождение которых трудно объяснить. В 1963 году вдруг появились и зазвучали «Страшный суд», «Игра на флейте», «Жалоба американского повешенного», «Грехопадение Адама», в 1965 – «Благовещение» и «Прощание». В 1966 году Алеша написал нашу любимейшую песню «Слепой». Ее и по сей день с неиссякающим энтузиазмом поет моя дочь Дарья.

Однажды мы сидели в гостях у Алеши на Греческом. Наступила пауза в пении, Алеша протянул руку и включил радио. Проникновенный голос диктора говорил: «...А в капиталистическом обществе, где человек человеку волк...» – Алеша выключил радио и закончил: «...Человек человеку волк, лиса и медведь». Много лет спустя, в 1980 году, эти слова превратились в строчку «Ностальгической» (Пой, балалайка...).

В 1967 году Анри по долгу службы оказался в Псковской области, на озере Врево, и жил на берегу этого озера в деревне Большой Брод. Алеша приехал туда и провел с ним два месяца. Тогда были написаны «Прощальная» («Русская народная песня про субботу»), «Две песни шарманщика» (для пьесы «Запасной выход», написанной ими тогда же), «Частушки» (впоследствии собранные лингвистами как народные), великолепный «Потоп», «Птицы», «Солдат». О процессе написания рассказывают сами авторы в «Берлоге пчел»:

«В деревне Большой Брод А.Х.В. провели целое лето. Мы часто плавали на лодке по озеру. А.В. набирал воду в бутылки, А.Х. греб. На суше и на озере сочинительства не прекращали. Написали две пьесы: «Запасной выход» и «Остров лжецов», книгу басен и несколько песен».

Одна из написанных тогда пьес, «Запасной выход», была одиннадцать лет спустя переведена на английский язык нашим общим американским другом Биллом Чалсмой и поставлена в маленьком театре города Нортхэмптон, штата Массачусетс.

Пьеса эта представляет собой нечто среднее между сказкой, притчей и музыкальной комедией. Три сына посланы в мир не появляющимся, но незримо присутствующим в пьесе Отцом. Отец дает им прощальное напутствие, о котором они благополучно забывают. Сыновья увлеченно заняты – каждый своим делом. Старший – ученый, физик-математик, – создает умную электронную машину с искусственным интеллектом. Средний – выращивает в каком-то агрегате вроде большой стиральной машины искусственного человека-гомункула. Младший сын – ну, известно, что такое, – интеллигент, литератор, поклонник искусства. Его интерес симболизируется в пьесе огромным бюстом египетской фараонши Нефертити. Появляется пожарник, что-то вроде подвыпившего ангела, который пытается напомнить молодым людям, зачем они живут на свете. Его напоминания безуспешны. Тогда в жизнь братьев приходит – тоже посланная Отцом – красивая девушка Анна, олицетворяющая Любовь. Братья влюбляются, теряют голову, бросают свои занятия и уходят вслед за Анной со сцены и из пьесы. Оставшись без своих творцов, машина и гомункул пытаются существовать сами по себе, но вокруг них быстро образуется хаос. И кончается все веселым апокалиптическим пожаром с песнями и плясками.

Алеша тогда только что эмигрировал и приехал в Нортхэмптон помогать ставить пьесу. Он же играл в ней роль пожарника, пока не сломал ногу, свалившись с какого-то помоста. Пьесой заинтересовалась местная пресса и прислала представителя правозащитной организации «Эмнести Интернэйшенл» брать у Хвоста интервью. Меня попросили помогать переводить, хотя Алеша и сам бы справился.

Представитель прессы на спектакль опоздал и пьесы не видел. Алеша решил над ним подшутить. Этот журналист все хотел от Алеши политических деклараций, а в ответ получал комментарий о духовном содержании пьесы. Наконец, он прямо задал вопрос: каково же идеологическое содержание пьесы? «Никакого идеологического содержания нет, – сказал Алеша немного застенчиво. – Речь идет о тщетности человеческих ценностей, когда люди забывают

об их божественном происхождении». «Что же это за ценности?» – неуверенно спросил журналист. «Свобода, равенство и братство», – с доброжелательной улыбкой отвечал Алеша. В ответ на ошеломленный взгляд правозащитника я кивнула, дескать, да-да, вы не ослышались.

В статье, появившейся через несколько дней в местной газете, говорилось, что авторы пьесы «провоолашают и утверждают гуманистические ценности и своим творчеством борются за свободу, равенство и братство во всем мире».

Возвращаюсь в деревню Большой Брод.

В то лето и я провела неделю там в гостях. Часто, пока Анри был занят, Алеша удил рыбу. (Это времяпрепровождение воспето в «Частушках»: «Ловили рыбу// Словили по рылу». И там же дальше: «Ловили лосося// Поймали пол-литра»). Он часами мог сидеть неподвижно, глядя на поплавок. Когда приходило время сматывать удочки, Алеша выбрасывал в воду оставшихся червяков, приговаривая: «Это жертва озерному богу». Говоря о бутылках: когда не было других гостей, пили мы в деревне исключительно парное молоко или чай.

И тут – уж не знаю, кстати или нет, – скажу о пьянстве. Его преследовали власти, милиция, соседи по квартире. Говорили: бездельник, тунеядец, пьяница. Все вздор: ни тунеядцем, ни бездельником Алеша не был. Он всегда был занят: рисовал, мастерил, читал, писал, сочинял. В нем шла непрерывная творческая работа. Всегда, почти что до самого конца. Когда приносили выпивку – пил. Он плыл по течению жизни и принимал все происходящее с доброжелательной улыбкой. Никакие ярлыки к нему не подходили.

Следующий совместный «взрыв» произошел в 1970 году. Была положена на музыку «Сучка с сумочкой», написана «Орландина», а кроме того, Алешин шедевр – «Деревенская» («Свет прольется над землей»). «Сучку с сумочкой» очень любили тогда еще совсем маленькие дочери Сережи Есяяна – Варя и Лиза. Жили они все в квартире Сережиной мамы Серафимы Теодоровны. Вера Есяян рассказала, как однажды Алеша пришел их навестить, когда Серафима Теодоровна была дома. «Ну, что вам спеть?» – спросил Алеша. «Сучку с сумочкой, дядя Алеша, сучку с сумочкой», – запищали девочки. Произошел ужасный конфуз.

Хронологически дальше следуют Алешины «Эпиталама Геннадию Снегиреву» и «Облака», а потом их совместное «Молчание» (1971-72 год), написанное, когда Анри поехал в Москву сразу же после Алешиного туда переезда.

Анри всегда говорил и говорит, что писать песни его научил Алеша, объяснив некоторые важные принципы. Научил хорошо. В том же, 1972, году Анри подарили изданную фирмой «Мелодия» пластинку «Лютневая музыка XVI–XVII веков». Анри все ходил и мурлыкал эти несколько мелодий. И вот из отсутствия друга родились три прекрасные песни: «Зеленые рукава», «Лебедь» и «Рай». Алеша был их первым и самым лучшим на свете исполнителем. Когда он их пел, я видела на глазах у людей слезы.

С созданием песни «Рай» связана малоизвестная история. Песню эту Анри не выдумал из головы, он ее увидел. Увидел он ее в мастерской у нашего ленинградского друга, художника Бориса Аксельрода – Акселя, – который тогда выполнял на заказ мозаичное панно для бассейна. Анри ему помогал и колол камушки для мозаики. Однажды мы целой компанией пришли к Акселю в мастерскую. На полу лежало огромное панно с изображением синего неба со звездой, там было еще золотое солнышко, вокруг по краю размещался им освещенный золотой город, а на переднем плане был зеленый газон с цветами и – ну, и дальше, – как в песне. Анри пришел домой и исчез у себя в комнате. Минут через пятнадцать он вышел с листочком в руках. «Вот послушай», – сказал он и напел мне «Рай». Я тогда же отпечатала пять экземпляров под копирку. Панно же в бассейн не попало, и, где оно сейчас, никому не известно.

В 1973 году учинился настоящий фейерверк. «О всеобщей инфляции», «Пасмурный день», «Матримониальная», «Вернись, вернись», «Романс», написанный на день рождения Аси Муратовой, «Фараон». «Прощание со степью» было написано специально для Льва Николаевича Гумилева. Сережа Есяян, друживший со Львом Николаевичем и исподволь печатав-

ший в журнале «Декоративное искусство», где он был редактором, куски из будущей книги «В поисках вымышленного царства», пригласил нас на ужин. Сфера интересов Гумилева была известна. Анри с Алешей раздобыли энциклопедию, отыскиали в ней всех этих турок, торок, кераитов и меркитов, добавили немного Жуань-Жуани и конской упряжи и, помирая от смеха, сочинили песню. После ужина Алеша взял гитару и сказал: «Лев Николаевич, а мы для вас песню сочинили». Но петь он толком не мог – трясся от хохота. Сын двух великих поэтов сидел с невозмутимым лицом. Уже потом он сказал Сереже: «Ваши друзья ужасные хулиганы. Но очень талантливые».

Наконец, в конце 1973 года, перед самым нашим отъездом из России, была написана «Тайна». Алеша приехал в Ленинград прощаться с нами и пел со слезами на глазах «храните золото любви». Так мы и уехали со смертью в душе и с этой удивительной песней в памяти, не зная, увидимся ли когда-нибудь.

Увиделись. Начиная с 1977 года история переплетается с географией: происходят встречи и пишутся песни в Париже, Тивериаде, Лондоне. В 1977 году мы с Анри съехались в Париже, он из Тивериады, я – из Штатов. Алеша спел нам «Живые улитки», «Нантского узника» и «Дело плохо», написанные им в Москве, и они вместе сочинили «Прославление Олега Соханевича», «Мы лучше всех» и «Агон Мусагета и Гастронома». Все родившиеся в последующий период дети нашего круга с увлечением распевали:

Будет каша хороША,
Ка-ША каша-каША.

Еще через два года, опять в Париже, сочинилась песня об эмиграции «Вальс-жалоба Солженицыну».

В 1980 году Алеша навестил Анри в Тивериаде. В результате возникли «Полчаса тишины», «Симпозион», «Песня о независимости», «Буколика», «Олимпийское проклятие», «Невинная песня» (С соседом я пропил последнюю рубашку). Немного спустя в Лондоне они написали «И ночь и день». Алеша вспомнил об этой песне в 1990-м году и написал Анри такое письмо:

От хвоста
Анри, мой милый, потерял
Я песни текст одной
И если ты его найдешь
Пришли ко мне скорей.
Поется в песне той про снег
Про свет и тень и смерть
Но есть еще такое в ней,
Что вспомнить не могу.
Ее не пел я никогда
А нынче вышло так
Что петь про снег пришла пора
Но без тебя никак.
Поройся в папках, поищи
Вложи ее в конверт
Слов пару теплых припиши
И отправляй чуть свет
.....
Я все... Да что там, в общем так:

Письмо ко мне заклей
Купи печатей на пятак
И отправляй скорей.

26 сентября 90 года.

(Опубликовано целиком в «Верпе», 2005, стр. 366–367)

Песня была написана на мотив песни Алешиной крестной дочери Лены Лозинской «Ах, милый мой// Как ты хорош», а Ночь, День, Сон и Смерть – это известные скульптуры Микеланджело. Все идет в ход: и песня подруги, и итальянский ренессанс, и все оживает и звучит. Настоящее артистическое братство.

Братство, содружество, соавторство – назовем, как захотим. Алеша был гением соавторства. У него был особенный дар: привлекать к себе людей. И не только привлекать, а и вовлекать, и вдохновлять, как бы заражать своей талантливостью. Он создавал вокруг себя особую художественную атмосферу. Вспомним хотя бы несколько пьес, поставленных им в сквотах с минимальными ресурсами. Он умел организовать людей. Из хаоса создавал космос.

Уже в начале 60-х на Греческом проспекте велась игра. Ставили часы, задавали тему и писали на время: Алеша, Енот, Славинский, Анри, не помню, еще кто. Вокруг него все начинали писать стихи. Юра Сорокин отрывался от своих пуговиц и сумок и писал, а впоследствии бросил рукоделие и стал совсем поэтом. Вспомним, что самые первые песни Алеши тоже были написаны в соавторстве с Дышленко и Ентиным. Вспомним опубликованный в «Верпе» «Дифирамб» по случаю визита Кати и Сармы. Он подписан: сочинение магистров и бакалавров изящных искусств и высоких художеств Хвостов: Алисы и Алеши и Вити и Лёни. Сережа Есаян сочинил несколько стихов. А сколько пьес! С Юрой Галецким, с Лёней Ентиным, с Анри... А музыкальное сотрудничество! Камиль Чалаев, Лёня Федоров, Толя Герасимов играли, пели, записывали, придумывали вместе с ним – и список, конечно же, можно продолжить. Я уже говорила о том, как он умел преображать и усваивать существующие музыкальные темы. «Великий перекройщик» называет его Камиль Чалаев. Да не поймут меня неправильно! И Пушкин, и Шекспир использовали существующее и делали его своим. Алеша брал щедро и отдавал еще щедрее.

Его дружба с Сережей Есаяном и Анри стоит особняком. Начавшись в 60-е годы, она продолжалась всю жизнь. Это было редкое бескорыстное содружество, братство трех необычайно одаренных единомышленников.

Когда они собирались, начинался фейерверк остроумия, веселья и плодотворной деятельности. Как будто один лишь вид друг друга вдохновлял их к тому, чтобы сочинить, нарисовать

совать, придумать. Слово «поэт» от греческого «пойэо» в исходном смысле означает «делаю, творю». Они все время что-то делали, когда собирались вместе. Сережа рассказывал, как он рисовал иллюстрации к басням А.Х.В.:

«Я рисовал картинку, а Алеша сидел и смотрел. Если Алеша не смеялся, я комкал рисунок и бросал в мусорную корзину».

Когда он смеялся, это значило, что рисунок удался. Римма тем временем выуживала отвергнутые рисунки из корзинки, разглаживала их и складывала в папочку». Наверное, эта папочка так и лежит где-то в Алешином архиве.

И тут же, кстати, об архиве. После смерти Алеши он оказался отлично рассортирован, все разложено по папкам: стихи, фотографии, рисунки. Несмотря на внешне беспорядочную жизнь, он любил порядок.

Историю создания Алешиной пьесы «Бюро путешествий, или синдром Робинзона», написанной в 1982 году и поставленной по-английски шведским театром «Шахразад» в Стокгольме в 1983 году, лучше меня расскажут Вера Есаян и сам Алеша (см. настоящее издание).

Внешние факты его содружества с Анри просты. Более чем сорокалетняя дружба, постоянная переписка в стихах и в прозе почти до самого конца Алешиной жизни, разрозненные листы которой еще ждут публикации, господин редактор. Три длинных пьесы, из них одна детская, в стихах, несколько коротких, множество стихов и басен, больше сорока совместно написанных песен. И Бог знает что еще, о чем я не знаю или забыла. Когда они встречались – в Ленинграде ли, в Москве, Пскове, Париже, Тивериаде, Тюбингене или Лондоне, – происходило нечто загадочное. Анри говорит:

«Мы никогда с ним особенно ни о чем не разговаривали. Просто садились и начинали сочинять. Иногда я писал кусок, и Алеша кусок, как в «Касыде министру культуры» (в сборнике «Городские поля», изданном Сережей Есаяном с его же иллюстрациями). А иногда одну строчку я, одну он: “В полночь я вышел на прогулку// Шел в темноте по переулку// Вдруг вижу, дева гложет булку... Нет, нет, Анрик, при чем тут булка... вдруг вижу дева в закоулке... переулку – закоулке, прекрасная рифма!” И так далее».

А вот еще:

«Когда мы сочиняли песни, я держал карандаш и бумагу, а Алеша ходил вокруг. Иногда бывало наоборот», – так Анри вешал лапшу на уши журналистке, которая пыталась допросить его об их «творческой лаборатории».

Уже в начале 60-х годов они начали пользоваться инициалами А.Х.В. для обозначения совместных сочинений. В сознании друзей их существования были как бы связаны. Если спрашивали: «Где Хвост?», следующий вопрос был: «А где Анри?» В начале 70-х, когда Алеша ездил в Салехард на какие-то гипотетические заработки, Анри даже сочинил двестише для ответа на все такого рода расспросы:

Хвост уехал в Салехард,
А Анри хватил инфаркт.

В моей памяти живет Алеша, улыбающийся, Алеша, на гитаре играющий и поющий, а разговаривал он, я думаю, мало с кем. И только по делу. Постоянно окруженный людьми, он всегда держал дистанцию. Внутренне он, наверное, был очень одинок.

В 1989 году Алеша положил на музыку и начал исполнять стихотворение Анри «Чайник вина», и заглавие это стало чем-то вроде Алешиной эмблемы. Начиная с 80-х годов он кладет на музыку много своих старых и недавних стихотворений. В 1996 году он пишет потрясающую песню о смерти «Часы и канва». В 1998 году он пишет стихотворение «Три песни старца», положенные на музыку Камилем Чапаевым в очень интересной концепции. Их диск с записью этих песен на три гласа – настоящее музыкально-поэтическое событие. Записывались диски с «Аукционом», с Леонидом Федоровым, с Толей Герасимовым. Этот период я знаю плохо, пусть рассказывают другие. В 2000 году Алеша положил на музыку стихотворение Анри «Вечное» («Мои стихи не убивает время»).

Я слышала его пение в последний раз на его дне рождения в 2004 году. После концерта по моей просьбе они с Алешей Батусовым спели «Сучку с сумочкой», которую я тоже люблю, как и Варя, и Лиза Есян.

Гитару он не выпускал из рук почти до самого конца. А когда выпустил гитару из рук и не стало песен, не стало и Алеши.

В стихах и песнях Алеша иногда помещал автограф: «Хвост, отдавай комету», «А пуще всего похваляясь листом// И корнем, что в землю свисает хвостом». В последней песне Анри «В замке Тю» есть слово «бесхвостый». Это тоже автограф: Анри имеет в виду себя. И всех нас.

Париж,
2010 год

Анри Волохонский

*Родился в 1936 г. в Ленинграде. 1973 – эмиграция в Израиль. С 1986 живет в Германии.
Поэт и ученый звездочет.*

*Свою «Эпиталаму Геннадии Снегиреву» Алеша Хвостенко сочинил, будучи посажен в
зندان города Джамбай.*

Они приехали туда с Иваном Тимашевым по прозвищу Ванька Бог и вступили в противоречия с местной властью. А Снегирев действительно собирался жениться на какой-то невинной девице. Всем обитателям зиндана песня очень понравилась.

Я послал Алеше несколько строк о Ефиме Славинском, о его судьбе:

А ты беги пустыни прочь
И не ходи в Харран Хивинский:
На Вавилонской башне ночь
В Семипалатинске Славинский.

Из книги “ВОСПОМИНАНИЯ О ДАВНО ПОЗАБЫТОМ”, “Новое литературное обозрение”, М.2007, стр. 74–77.

Как раз тогда его приговорили к лишению свободы. Алеша отвечал мне:

По твоему совету прочь
Бежал Хивинского Харрана
Но проведя в Джамбае ночь
Достиг ментовского зиндана.

Труды поэта

Не могу забыть рассказа Алексея Хвостенко о трудовой деятельности:

«К нам подошел человек, назвавшийся начальником ватного цеха. Посидели. Потом он пригласил к себе в цех осмотреть помещение. Пришли к оврагу, на склоне которого этот цех был. Кругом летали, висели на суках и камнях и просто валялись клочья ваты. Внизу, на самом дне оврага текли в противоположных направлениях два полных ватой арыка».

Другой его рассказ описывает случай на работе. Алеша устроился делать мыльный раствор. Прачечная помещалась во дворе, в кирпичном строении. Часа в четыре ночи нужно было нарезать мыла, бросить в воду и включить острый пар. Через час выключить и идти домой. Однажды Алеша пришел домой и лег спать. Утром будят – иди, говорят, Хвостенко, на работу. – Явился. Все здание прачечной полно пены. Люди делали в ней ходы, словно зем-

ляные черви, чтобы попасть внутрь. Оказалось, что он, покидая рабочее место, не выключил острого пара.

О возможном воздаянии за труд Алеша сочинил как-то ироническое четверостишие:

Какой кошмар – жена сказала Бекет —
Когда поэта премируют лепет,
А я скажу: поэт не вечный мобиль
И пусть ему воздаст живущий Нобель.

Вот мы наконец-то и добрались до истинной меры вещей:

Алеша, ходим за полбанкой
Напиться б надо перед пьянкой.

<.....>

Ближайшее место

Алеша Хвостенко приехал в Тивериаду, и мы отправились погулять туда, где из озера вытекает река Иордан. Прохаживаясь под огромными тенистыми эвкалиптами, мы заметили отца Юстина, который крестил средних лет даму. Он сделал нам знак подождать, а потом догнал на автомобиле и повез к себе в монастырь. Этот грек-священник был в монастыре (где, по преданию, написаны «Деяния апостолов») настоятелем и единственным монахом. Вошли, поднялись на галерею и стали пить кофе, взирая на озеро. И вот Юстин спрашивает:

– Вы в Париже живете?

– Да, в Париже.

– И в какую церковь ходите?

– В ближайшую, – отвечал Алеша после недолгого раздумья.

Для того, чтобы показать всю глубину этого выражения, необходимо немного отвлечься. Еще в России мы сочинили куплет для песни про анашу:

К нам пригнали плану плот
Даже поп словил приход
Хохотал, хохотал
Десять суток схлопотал.

Позднее отец Михаил Меерсон-Аксенов словил приход в Нью-Йорке и позвал Алешу спеть в его церковном зале. Тот пел про Олега Соханевича, о том, как он прыгнул с корабля в воду, надул лодку и через девять дней приплыл к туркам, – всю правду. Соханевич тоже присутствовал в этой, ближайшей, церкви. Вспоминая, отец Михаил говорил, что ощущение было как при постановке «Гамлета» перед датским принцем. Народ хлопал в ладоши то герою, то, обернувшись к сцене, исполнителю.

Всех поэтов должно звать одним и тем же именем – Авель. По-древнееврейски оно означает дым, пар, туман, вздор и всяческую чепуху.

Цыганы

Алеше хвостенко
Один цыган осев, однажды —
Чуть только осень началась
Иных учить затеял важный
Над кочевыми величась:

– Смотри, снега задолго веют
Лошадка брысь – копыта вбок
Кто не грядущего радеют
Тому и нынче поперек!

– Здесь... Там... Да конь к чему хомут-то
Блуждалец вымолвил ему —
Хоть чуть кто сядет вольный тут-то
То уж сидеть там и тому!

Смотрю, смотрю на двух цыганов:
Который правее из них —
Монах свободы ли болванов
Иль обеспеченности мних?

Алешенька, зачем же – в Салехард
Где в ледяной баян охрипший бард
Сосулькою орфической в струю
Должно быть лиру тренькает свою?
Алешенька, зачем же – в Салехард
Где в ледяной баян охрипший бард

Сосулькою орфической в струю
Должно быть лиру тренькает свою?
Чтоб на моржа науськивать песка
Гагарам, чай, не надобно певца
Чтобы менять свой ежегодный мех
К чему эфирный звук твоих помех
Баранам этих суток волчьих стай?
Алешенька, ну, будет, перестань —
Бежит олень, полярный эскимос
Тебе затылок кажется Канин Нос...
Зачем же Салехард – не Гибралтар
Где Геркулес алтарь поставил встарь?

Гляди – любая тварь бежит на юг
Дают ей это или не дают:
Бежит на юг тетерка и дрофа
Бежит на юг полярная сова
Бежит на юг обрезанный енот
Вдруг оценив на вес свой древний род
И даже тот, кто более чем финн
Туда влачит судьбы своей графин
Все реки на которых я плыву
Туда направят влаг своих халву
Магнитный шприц освободив компас
Теперь свободно смотрит за Кавказ
И сам Кавказ, добыв подобья ног
К ним смазанные лыжи приберег.

Ах, эти лыжи... Неужели снег
Тебе милее наших луж и нег
Березы тополиного ствола?
Тебя любая из столиц могла
Держать как сердце бубенцом звеня
А ты – внезапно, не спросясь меня,
Не сверяясь даже с направленьем карт...
О ужас – в эту область юрт и нарт,
Где прямо в соль губу макает Обь
И свежий лед ее целует в лоб.

Вернись, я вновь и вновь молю, вернись
И отвернись от северных зарниц
Мир одноглаз без одного из нас
Верни же нам хотя бы пару глаз
Чтоб я от вологодских островов
“Алеша, жду тебя и будь здоров”
Сказать мог искренне.

Целую, твой Анри. 1971-74 гг.

Алеше из Аравы

Алешенька, я странствую вне дома.
Где? – спросишь ты. Изволь: южней Содома
(Географически) стоит моя нога
Обута кожей в форму сапога
Февраль, жара – вообрази такое
И общество увы как сплошь мужское.

Передо мной в пустынной Араве
Деревья чахлые стоят на голове
Еще зима и прозябают травы
Кой-где сквозь камешки просовывая главы
Уже весна – и свадьбы у жуков
Под колкой тенью мертвых трав пуков
Парит орел и бродит антилопа
Верблюду вслед дырою телескопа.

Ночные зрелища иной наводят сон:
Я созерцаю звездный Авиньон
Где полная луна как пленный папа
И сфинксу-Льву Сатурн как третья лапа,
Юпитер с Диоскуровой ладьи
Склонился вбок не видя впереди

И вынырнул из стройных туч отчасти
Пугнув Стрельца персидским двоевластьем
Венеру, что вот-вот должна взойти

А Марса, знаешь, не могу найти
Ни в небе, ни в дороге, ни на карте
Ни в собственной душе
а дома буду в марте.

А.В.

Леонид Ентин

Родился в 1938 г. в Днепрпетровске. С 1977 г. живет в Париже.

Предисловие к 6-му сборнику Верпы

Итак, и на нашей улице прогресс. Им отмечены даже изменения погоды.

Нельзя не порадоваться некоторому обогащению фауны. А так как первой вершиной ее эволюции следует считать психические процессы, то перед нами ее прелестный и одновременно устрашающий итог – Верпа.

Охотились на этого зверя многие. Но постепенно трудности отпугнули “незаинтересованных”, а шкуру и мясо Верпы действительно способен оценить не каждый.

Однако в атмосфере мороз, то бишь некоторое ужесточение.

Поэтому автор предисловия хотел подчеркнуть, что его мысли призваны вернуть былую популярность Верпы, напомнить о занятных повадках умного зверя, воскресить некоторые особенности культа Верпы, обнаруженных в самых неожиданных местностях.

Но вначале посмотрим, где же обитает Верпа. Внешние, топографические, приметы только исказят ваши представления о повадках и привычках Верпы.

Франсуа Вийон, поклонник и ценитель, оставил нам ценные трофеи, добытые, правда, довольно давно. Кое-какие данные его биографии и те замечания мужественного спортсмена, которые сохранили нам века, донесли до нас ценный опыт.

Но только теперь, когда урбанизация наделила зверя всеми чертами нашего века, – охотников сменили исследователи.

Тем более изумительны результаты ветеринара-верпатора и охотника Хвостенко. Практически, в данной области основные достижения принадлежат ему.

– Верпа на дороге не валяется. Утверждение, что Верпу можно выследить в психиатрических больницах, основано на недостоверных источниках.

Самое убедительное – это трофей. Так всегда считали настоящие поклонники и сторонники Верпианы.

Но Верпу трудно выследить, и поэтому мы можем по циклу “Силуэты Верпы” просмотреть процесс расшифровки случайных встреч, впечатлений, почувствовать все напряжение, которое испытывает идущий по следу.

“Силуэты” учат не доверять. Дубликат – это дубликат, но что делать с дубликатом? Сквозь него надо пройти.

Это трудно.

Иногда – утомительная погоня.

И тогда приходится бежать, переплывать рвы, тонуть в разной совершенно посуде и причалить в Кэмпе.

– Нет, уже полгода не видели и не слышали.....

а на этот раз сидеть в засаде, не надеясь на успех.

Но труд никогда не пропадает паром. По крайности, в нашем городе выпадает иней.

Его можно слизывать.

А снег можно шевелить палкой. Смотришь – нашел, “скелето приятелям”.

А если отправиться за Верпой в воздух, то возникает масса дополнительных ощущений.

Там тоже бывает много интересного.

Об этом “Памятник лётчику Мациневичу”. Состояние экстаза продолжает сквозить в замечательных строках последнего цикла “Правда о Рпанге”.

Хитрая Верпа пытается спрятаться в дебри языка. Но мы применяем предложенные А.Хвостенко химикаты, и хитрому зверю не уйти.....

– Внутренним взором гурман-читатель может увидеть, как поджариваются на углях самые лакомые куски в присутствии счастливого охотника. Поневоле позавидуешь.

Не печалься, читатель.

В интервью с нами А.Хвостенко сказал:

– Как только все станут художниками, каждый сможет постоянно общаться с Верпой.

– В будущем этот зверь станет домашним. К нему привыкнут и полюбят.

– Я уже сейчас заметил, что Верпа любит, когда ее гладят против шерсти. Коллега Рпанг не внял моим советам и растерял собственное Трево.

Да, я тоже ценил Рпанга, поэтому мне и хочется закончить свое скромное предисловие, наряду с приветствием герою-охотнику Хвостенко и его техническим сотрудникам, скорбными словами, обращенными к трагической фигуре Рпанга:

Спи спокойно, дорогой друг. Твои Трева соберут другие. Получится изрядный монумент. Действительно нерукотворный. Я верю, что всем звездам на небе есть место. И тот скромный свет, который долетал к нам от Тебя, не затеряется среди более ярких созвездий.

Леонид Чачко

Родился в 1939 г. в Москве. Кандидат экономических наук. Живет и работает в Москве.

Я познакомился с Алёшей Хвостенко – Хвостом – в конце 67 или в начале 68 года. Я тогда жил один в комнате большой коммуналки на Покровке, в Старосадском переулке.

Хвост приехал из Питера (он тогда как раз «мотался меж двумя столицами»), и кто-то из друзей (может быть, Миша Деза?) привел его ко мне на предмет переночевать. Мы как-то сразу сдружились, и он в дальнейшем, приезжая в Москву, частенько у меня останавливался. Я, в свою очередь, приезжая в Питер, останавливался у него, на Греческом. Комната Хвоста удивительно напоминала мою московскую, только стены были увешаны его собственными работами (он тогда писал картины вполне фигуративные, в импрессионистической манере, которые мне очень нравились). Позднее он перешел к сюрреализму, резкой и суровой графике. Однажды у

меня в комнате «зависли» на несколько дней Хвост и Володя Пятницкий и предложили мне, в благодарность за гостеприимство, расписать одну из стен комнаты. Я, честно говоря, побоялся жить под сенью такой живописи (кто знает манеру Пятницкого, тот меня поймёт), но порой ругаю себя за трусость – думаю, это было бы великое произведение!

В Москве по вечерам у меня собирались друзья, пели песни под гитару, слушали пластинки, читали стихи. Хвост сразу стал своим в этом обществе. Здесь же он познакомился с моей приятельницей – молоденькой Алисой Тилле, с которой они вскоре и поженились. На регистрацию брака в ЗАГС на Сухаревской ввалилась буйная толпа хиппи и порушила чинный порядок заведения. Хвост был в довольно рваных джинсах, и шокированная чиновница наотрез отказалась регистрировать брак при таком нарушении приличий. Пришлось кому-то из гостей подходящего размера одолжить жениху свои брюки.

Вскоре после этого Хвост окончательно переехал в Москву, удачно обменяв свою питерскую комнату на комнату в Мерзляковском переулке, и уже у них с Алисой стали собираться толпы артистической молодёжи. У Хвоста всегда можно было послушать хорошую пластинку, почитать что-то ещё не читанное (в том числе самиздат), полистать альбом. При том, что денег у нас у всех было не густо, Алёша, благодаря своему вкусу, обаянию и успеху у продавщиц букинистических магазинов, всегда доставал какие-то новинки и редкости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.